

Цель данного исследования – выделение и анализ некоторых значимых фактов, свидетельствующих об определенном сходстве христианства и индоевропейского язычества. Нами вовсе не руководит желание отождествить эти две традиции, являющиеся разными религиозными системами. Просто мы считаем нужным провести определенные параллели.

При этом нас не интересует (в данном случае) сходство христианства и зороастризма, так как исследователи обращают на него слишком много внимания (порой в ущерб другим направлениям сопоставления), что приводит, в известной степени, к возникновению новых банальностей в области религиоведения. Поразительное совпадение эсхатологических мотивов (страшный суд, воскресение и т.д.) достаточно красноречиво само по себе.

Мы же хотим сделать основной упор на задействие (в плане сравнения) скандинавского и славянского язычества, а также индуизма.

Необходимо начать с потрясающего сходства двух грандиозных метакосмических «сюжетов»: распятия Христа и распятие Одина. Последний, как известно, пронзил себя собственным копьем, прибав его к Мировому Древу Иггдрасиль. Пригвожденный к нему Один висел девять суток, в результате чего ему удалось выпить священный мед и заполучить руны – вместилище мудрости. Мотив знания тут весьма показателен, ведь он связывает Иггдрасиль со знаменитым Древом познания, которое рассматривается православным богословием как реальность евхаристического действия, пронизывающего всю онтологию сверху вниз и означающего причастие к «жизни вечной», достижение бессмертия, соединение с Абсолютом, слияние с его нетварными энергиями (православное обожение), приобщение к Чистому Бытию.

Древо, на символическом уровне, тесно связано с крестом; они моделируют мироздание, рассматриваемое с точки зрения человека. В данной системе трансцендентная вертикаль (совокупность логосов-энергий), соединяющая самую высшую и самую низшую точки творения, пересекается с эмпирической горизонталью. Здесь вертикаль креста совпадает со стволом Мирового Древа, а его горизонталь – с поверхностью земли.

Кроме того, крест и дерево моделируют человека, который в свою очередь моделирует космос творения («микрокосм»).

Так возникает символическое выражение сложнейшего, органического единства. Подобный символизм позволяет лучше понять все мистические реалии, связанные с распятием на кресте и на древе. Показательно, что сама православная традиция часто отождествляет эти «объекты». Например, Св. Ириней Лионский утверждал: «Слово сделалось плотью и висело на древе, чтобы возглавить в себе самом всяческое...» А вот описание распятия, данное в «Законе Божиим»: «Наш небесный Отец отдал Сына Своего Единородного, чтобы он повиснул на этом изобретенном злобою людей древе ненависти и крайнего ожесточения». В данном рассказе не следует видеть отождествления крестного древа и злобы. Характерна сама архетипичность терминологии, возникшая бессознательно, что, по-своему, ценно. И далее: «Как же широк крест Христов? ... Он широк как мир... Как высок крест Христов? Так же как небо, как Престол Господень... Как глубок Крест Христов?... Глубиной своей он нисходит до ада...» (Закон Божий. Джорданвилль, 1989. С. 521). Сопоставление Креста Христова и Древа прослеживается и в русских духовных стихах:

Кипарис-древо всем древам мати...

На тем древе на кипарисе

Объявился там животворящий крест,

На тем на кресте животворящем

Распят был сам Иисус Христос.

(«Голубиная книга»)

У повешенного на Мировом Древе Одина есть своеобразный кельтский «аналог» – галльский бог Езус, «Гневный». Его имя фонетически схоже с именем Иисуса, что конечно не случайно с точки зрения метафизики, отрицающей случайность сходства слов. Действительно, каждое слово есть имя, «логос», вместилище трансцендентных влияний, поэтому даже просто фонетическое совпадение слов отражает некую мистическую связь. Езус требовал жертв, повешенных на дереве. На его изображениях можно увидеть жест, воспроизводящий момент ритуального поклонения омеле, практикуемого друидами, а мистериальное значение омелы сразу «выводит» на миф о скандинавском боге Бальдре, юном сыне Одина, убитом стрелой из побега омелы. Именно этот побег был единственным растением (как и единственным материальным объектом), с которого Фригг (мать Бальдра) не взяла клятвы не приносить вреда божественному юноше, любимцу асов. Этот побег Локи подсунул слепому богу Хёду, выстрелившему в Бальдра и убившему его. После гибели богов и всего мира Бальдру суждено воскреснуть в обновленной, иной вселенной.

Данный сюжет, трагический и оптимистический одновременно, является выражением мистических догадок древних скандинавов, догадок, очевидно, уходящих корнями еще в гиперборейское прошлое. Смерть Бальдра явно имеет ритуальный характер, она представляет собой сверхинициатический акт. Мученическая, жертвенная кончина юного бога (достойная сравнения со страданиями Одина на Древе) есть пролог к его чудесному воскрешению по ту сторону старого, ветхого эона. Смерть Бальдра от растения (мотив Древа) как бы дополняет распятие его отца – Одина, доводит его до логического конца, ведь любая инициация немислима без смерти, прямой или символической. Мотив чудесного познания здесь обогащается мотивом чудесного воскресения, обретения нового онтологического статуса, то есть гибель Бальдра связует воедино скандинавскую мистирию распятого бога-жертвы, образуя ее цельность. Мучения Одина и смерть (чреватая воскресением) Бальдра, взятые в их системном единстве, характеризуют еще один из моментов сходства христианства и индоевропейского язычества. Как видно, эти «сюжеты» скандинавской мифологии окрашены в цвета мученичества, «пассивной» жертвенности, опровергая расхожее мнение о том, что подобная форма духовной реализации чужда язычеству.

Существует еще одно магистральное направление в сопоставлении христианства и язычества. Оно становится заметно лишь после обращения к одной, казалось бы,

незначительной детали – графическому сходству руны Одина «одал» (𐌺) и изображения рыбы (𐌺). Последняя имеет огромное символическое значение для христианства. В ранней христианской литературе Христос часто называется «рыбой», само греческое слово «рыба» (Ichthys, пять букв, являющихся первыми буквами пяти слов: Iesous Christos Theou Vios Soter) расшифровывались как «Иисус Христос, божий сын, спаситель». Тертулиан писал: «Мы (то есть христиане – А.Е.) маленькие рыбки, ведомые нашим Ichthys, мы рождаемся в воде и можем спастись не иначе как пребывая в воде». Царство Божие уподоблялось сети, полной рыбы. Евангельский же сюжет насыщения рыбой и хлебом свидетельствует о том, что рыба рассматривалась как символический (но не ритуальный) «заместитель» вина в евхаристическом действе познания Бога. Совершенно очевидно, что у ранних христиан рыба выступала в качестве символа спасения – сохранения и приумножения онтологической значимости в условиях хаотической агрессии небытия (вода, крайне слабо фиксированное начало, часто связывается с хаосом, но в христианской традиции освященная вода становится символом укрощенной стихии).

Итак, налицо новый момент сходства мифологии Одина и эзотеризма христиан, сходства, выраженного на сей раз графически.

Таким же символизмом, правда, в несколько иной религиозной перспективе, обладает и индуистский миф о Ману Вайвасвате (прародителе людей в седьмую, настоящую манвантару), чудесно спасшемся от всемирного потопа. Он привязал корабль к рогу огромной рыбы, которая и доставила его к северной горе, единственному месту, не скрытому водами. Эта рыба была аватарой (причем первой) Вишну, который считается богом, поддерживающим существование мира, тогда как Брахма – творцом, а Рудра – разрушителем.

Любопытно, что в мифологии зороастризма первозданная рыба Кара несет на себе огромного быка – опору мира и охраняет Мировое Древо, растущее посреди озера Воурукаша.

Тематика священной Рыбы позволяет снова приблизиться к мистерии Чистого Бытия – онтологического Древа, творящего, сохраняющего и укрепляющего.

В продолжение размышления о скандинавских мифах коснемся сакрального значения руны (𐌺 «хагель»). Она полностью совпадает с так называемой «простой хризмой»

(сочетанием греческих инициалов двух слов – Jesus Christos, I и X), чрезвычайно напоминая букву Ж («живете») кириллического алфавита и лабарум – хризму св. Константина Великого (сочетание X и P – двух первых греческих букв имени Christos).

Наличие указанной руны в скандинавском руническом алфавите может сказать о многом. Прежде всего этот специфический знак, как и другие шестилучевые знаки, символизирует все то же Мировое Древо, вернее его прорастание через «плоскость» нашего мира, изображенного проективно – в виде горизонтального креста. Знак Ж («живете»), по мнению А.Дугина, является «серафимской буквой», о чем свидетельствует комбинация шести лучей, отождествленных с шестью крыльями серафимов, высшего чина ангельской иерархии. Буква же X («хер»), согласно этому исследователю, должна быть названа «херувимской» (четыре крыла херувимов, четыре «животных», т.е. «Живых» Апокалипсиса и само название – «хер»), т.е. мистически соответствующей второму ангельскому чину. Основываясь на графическом, этимологическом (переход «х» в «ж» в ряде европейских языков) и мистериальном сходстве этих двух знаков Дугин сделал важный вывод: «В соответствии с ангелической иерархией правомочно было бы сказать, что буква «хер» скрывает букву «живете», черырехкрылый херувим – шестикрылого серафима. И в некотором смысле это соответствует символическим соотношениям даже на графическом уровне». «Здесь любопытно поставить вопрос, – продолжает исследователь, – что именно «скрывает», покрывает собой «херувим» («покрывающий») в данном случае?.. Если сравнить Ж и X, то мы увидим, что разница между ними состоит в наличии вертикальной черты I ... Именно ее делает невидимой херувимская буква, прячет, скрывает от глаз... Именно вертикаль является тайной тайн сакральных иероглифов, это цифра I, знак Абсолютной Единственности Бога, скрытой от тварей множеством Ангелических Имен и особенно поразительно, что руна, изображавшаяся как I, называлась древними германцами «ис», что... указывает провиденциальным образом... на Иисуса Христа...» (Дугин А. Мистерии Евразии. М., 1996. С. 163-164).

Это более чем оправданное утверждение, ведь Христос, распятый на крестном древе, открыл человеку и миру путь к слиянию с Абсолютом, «актуализировал» само Мировое Древо, вернее вертикаль божественных энергий («логосов», «идей-волений»), пронизывающих все тварное, являющихся присутствием в нем Чистого Бытия. Сакральные закономерности кириллического алфавита также верны и для скандинавского.

Остается добавить, что сама руна «хагель» возникла как своего рода раскрытие полноты скандинавского «мифа» о распятии и воскресении. На это указывает следующее. Знак _____ появился лишь в рамках младшего рунического алфавита. А руны X можно найти только в составе футарка – старшего алфавитного

ряда рун. В то же время, руна I присутствует везде, как бы символизируя абсолютную неизменность вертикального Принципа. Руна «хагель» как бы «образуется» в ходе раскрытия, обнаружения некогда забытого начала – потока Жизни Вечной. В христианстве она обретается через мученичество распятия, мрак смерти и свет Воскресения. Тут наблюдатель сталкивается с буквенно-графическим отображением двуединого «мифа» о распятии Одина, смерти и воскресения Бальдра, «мифа», обнаруживающего, как было сказано выше, поразительное типологическое сходство с кульминационным событием Евангелия. Теперь становятся понятными слова норвежской песни, посвященной руне «хагель»: «Это холоднейшее зерно Христос создал древнейший мир».

Знак можно, на наш взгляд, рассматривать и как символическое преодоление раздвоенности, дуальности в запредельном сверхсинтезе, означая не смешение и усреднение, но преосуществление в «треть высшее», мистическим образом сохраняющее (в новом виде) саму реальность антитез. На это указывают две горизонтали (символ двух противоположностей), пересекающихся в точке, где сама плоскость «пронзается» вертикалью. Она-то и устраняет, в конечном итоге, раздвоенность, неполноту, несовершенство, являясь Абсолютом.

Теперь следует уделить несколько большее внимание индуистской мифологии, огненному божеству Агни. Изумляет его этимологическое сходство со словом «агнец», занимающим одно из важнейших мест в сакральном словаре христианства. «Агнцем Божиим» называют Христа, принесшего Себя в жертву за грехи всего человечества. Сам Агни, персонификация жертвенного огня, имеет еще и такое имя – «Вайшванара», то есть «Всечеловек», так как он является центром нашего материального, плотно-вещественного мира, который, прежде всего, мир людей. Здесь божественное как бы сочетается с человеческим (Агни, в отличие от других богов именуется «богом на земле»).

Обнаруживается некоторое сходство с христианским догматом о неслиянном соединении в ипостаси («личности») Логоса (Христа) Божественной и человеческой природ.

Помимо этого, Агни отождествляется с Мировым Древом (одно из его имен – «Ванаспати», т.е. «Повелитель деревьев»). А поскольку он – божество огня, пожирающего дерева, то совершенно очевидно наличие связи с образом «Неопалимой Купины», горящего, но не сгорающего куста (образ Великого Растения, Древа), в котором Бог явился Моисею. Христианство видит в Неопалимой Купине прообраз

Богоматери, родившей Иисуса Христа. Иеромонах Филадельф говорил о ней, что она могла «Своей чистотою привлечь, принять, вместить, удержать Божественную молнию, не быв опалена огнем Божества...» (Иеромонах Филадельф. Заступница Усердная. М., 1992. С. 10).

Снова заметно наличие темы присутствия Бога, причем темы, раскрываемой в весьма показательном контексте. Итак, Агни, которого индоарийские мыслители часто представляли всеобъемлющим началом мироздания и Светом внутри людей (видимый свет символизирует Чистое Бытие, энергии Абсолюта) однозначно связан с «идеей» соединения Божественного и человеческого, присутствием Божества, актуализации Великой Оси, потока нетварных энергий. И этимологическое соответствие только подчеркивает определенную общность двух сакральных доктрин.

Особого разговора (в рамках нашей темы) заслуживает высшая древнеславянская теология, вернее, представления наших далеких предков об Абсолюте, его онтологических и этических «аспектах». Мы беремся утверждать, что славяне-язычники создали самую развитую теологическую систему из всех индоевропейцев, причем систему, максимально близкую к православному мистическому богословию, дошедшему до вершин запредельного, антиномистического осмысления Абсолюта.

Оно выделило в нем непознаваемую сущность («усию»), по которой едины три абсолютно различные (хотя и равноценные) ипостаси («лики») – Бог-Отец, Бог-Сын и Бог Святой Дух. Троическое богословие преодолевает и политеизм, и монотеизм, и даже их сочетание, характерное для развитых языческих доктрин, таких как индуизм, неоплатонизм и гностицизм. «...Божество, – считает православный мистик В.Н. Лосский, – не единично, и не множественно». Согласно ему, само число «три» как бы преодолевает и единицу, и двоицу (начало разделения, множественности). Так возникает абсолютно запредельный образ Бога. При этом наблюдается некий «круговорот»: «Нераздельную единицу мы распространяем в Троицу и неумаляемую Троицу опять сводим в Единицу». (Св. Дионисий Ареопагит). Разделение же сущности Бога и ее энергии, осуществляемое без разделения (несколько рационалистического) самого Абсолюта на «качественный» и «бескачественный» (подход, характерный для адвайта-ведантистов и неоплатоников), также выражает сакральный антиномизм мышления: сущность считается непознаваемой, а творящая энергия – чистой Качественностью (выход Бога во вне Себя и создание качественного мира), присутствием Бога в мире, его «идеями», которые можно познать в слиянии с ними, сохранив свою бытийность. При этом православие не допускает какой-либо безличности в Абсолюте. Чистое Бытие, энергия сущности («Свет Фаворский», показанный Христом своим ученика на горе Фавор), исходит от всех трех Лиц Святой Троицы. Сверх того, о непознаваемой «усии» сказано следующее: «...Живые, Личные отношения Друг с Другом

Отца, Сына и Святого Духа – образы бытия единой сущности всех Трех, только так и существующей... в личностном (а не предметном) единстве и есть Пресвятая Троица»... (Еп. Василий (Родзянко) Теория распада вселенной и вера Отцов. М.. 1996, с. 101-102). Апофатический гнозис, его «философичность» в православии соединяются (совершенно запредельно, антиномистически) с ярко выраженным личностным подходом.

Личностный подход приводит к созданию этической доктрины, настаивающей на четко выраженном противостоянии добра и зла. Но данное противостояние в православном богословии абсолютно лишено каких-либо дуалистических оттенков. Зло, в соответствии с учением Святых Отцов, есть движение воли человека к небытию (не-сущему) и поэтому само как бы не существует. Порождение «больной» воли, оно не может быть уравнено с Бытием и обречено, в конечном итоге, служить добру, т.е. обращаться в добро промыслительным деянием Бога. Не случайно непосредственную борьбу с сатаной ведет архангел Михаил, а архангел – предпоследний чин в ангельской иерархии. И тем не менее, зло чрезвычайно значимо для онтологической судьбы человека как реальность его личного выбора.

Древние славяне соединили представление о «качественности» и «бескачественности» Абсолюта с мощной (недуалистической) религиозно-этической доктриной, подразумевающей четко выраженную персонификацию доброго и злого начал с онтологическим «ущемлением» последнего.

Многие письменные источники древности обращают внимание на наличие у славян веры в Единого Бога. Византийский автор Прокопий Кесарийский заявлял: «Они (т.е. славяне – А.Е.) считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают священные обряды». Тут утверждается знание славян о некоем едином боге, имеющего, однако, черты конкретного, «функционального» божества («творец молний»). Скорее всего, Прокопий имел в виду славянского бога Рода, огромную роль которого в системе языческих воззрений славян вскрыл Б.А. Рыбаков (Б.А. Рыбаков. Язычество древних славян. М., 1981). Род, как и Перун, представлял собой божество, связанное с грозой, что видно хотя бы из этимологии («рдяный» – красный, «родиа» – молния). Однако, его «теологический статус» явно выше статуса Перуна («... Се же славяне, – уверяет «Слово об идолах», – начали трапезу ставити Роду и Рожаницам прежде Перуна...»), отражающего большую конкретику. Кроме того, корень «род» является чрезвычайно значимым в русском языке: «род» (в смысле коллектива), «родина», «природа» и т.д. И самое главное, славяне (судя по данным древнерусских христианских текстов) считали Рода творцом мира: «Всем бо есть творец Бог, а не Род» (Комментарий к рукописному Евангелию 15-16 вв.). На языке метафизики его можно назвать Чистым бытием, Проявлением непостижимой

запредельности Абсолюта. Другие «функциональные» божества (Перун, Сварог, Велес, Дажьбог, Хорс и т.д.) мыслились как его ипостаси, творящие, сохраняющие и разрушающие (в эсхатологическом плане) энергии, некие комплексные «логосы» Проявленного Абсолюта.

Наряду с «качественным» Абсолютом, славяне знали и о существовании Абсолюта «безкачественного», описываемого в отрицательных (апофатических) категориях, вернее характеризующегося минимумом «качественных» определений. Об этом знании писал средневековый немецкий автор Гельмольд: «Между различными божествами, во власти которых состоят поля и леса, печали и наслаждения, славяне не отрицают и единого бога на небесах, повелевающего прочими. Он самый могущественный, заботится только о небесном...» Согласно Гельмольду, этот бог удалился на покой, предоставив управлять мирозданием другим божествам, но после того как сотворил мир. Здесь абсолют явно не имеет «функционального» значения, его высшая запредельность («только на небесах», покой) отличается от качественной активности «творца молний». Правда «безкачественный» Абсолют выступает у Гельмольда и как творящее начало, но это только убеждает в том, что «качественный» и «безкачественный» аспекты Абсолюта не различались у славян так сильно как у адвайта-ведантистов и неоплатоников. И в данном «моменте» наблюдается впечатляющее сходство между православием и славянским язычеством. Как в православии творческие энергии «возникают» в качестве Света Трех Ипостасей, так и высшая Абсолютность «творит» вместе с Родом. Подобно тому как запредельность Троицы описывается и отрицательно (сущность непостижима) и положительно (само слово «сущность», Лица-Ипостаси, единство), «также» и в язычестве славян «безкачественный» Абсолют имеет и некую «качественность».

Славянское язычество, как уже отмечалось, в этом отношении было сильно отличным от учения Адвайта-веданты и неоплатонизма, пытающихся наделить «безкачественный» Абсолют (высшую запредельность) только отрицательными характеристиками, забывая, что любое однозначное суждение «снижает» саму абсолютность. Абсолют и «отрицателен», и «положителен», одна категория здесь просто «перетекает» в другую. Поэтому «безкачественный» Абсолют – как бы качественен. Обратное – Чистое Бытие, Высшее Качество – проявление непостижимости, поэтому «качественный» Абсолют – как бы безкачественен. И в то же время различия между «положительными» и «отрицательными» «аспектами» Абсолюта сохраняются – все дело в тонкостях антиномистического дискурса, все в нем должно указывать на сочетание противоположностей. «Положительный» аспект указывает на «+», «отрицательный» на «-» и они соединены (не смешаны, а именно соединены) в высшем Единстве. Это и затушевывается (некоторым образом) доктринами, проводящими, в отличие от православия и славянского язычества, четкую границу между двумя «аспектами».

О вере в «безкачественный» Абсолют можно прочесть не только у Гельмольда. Во «Влесовой книге» говорится: «Есть также заблуждающиеся, которые пересчитывают богов, тем разделяя Сваргу. Они будут отвергнуты родом, так как не вняли богам. Разве Вышень, Сварог и иные – суть множество? Ведь Бог – и един, и множественен. И пусть никто не разделяет того множества, и не говорит, что мы имеем многих богов». В «Повести временных лет» древние русы, заключая договоры с византийцами, клялись Богом, Перуном и Велесом.

В этих двух текстах также постулируется наличие у славян одного и того же, крайне специфического представления о божестве без атрибутов, без какой-либо качественности, бытийной определенности (и в то же время, не чуждого им полностью). Такое представление есть экстремальная реализация антиномистического мышления, отдающего Богу Богово – запредельный Принцип должен быть максимально свободен от рационалистического истолкования, от земной, эмпирической однозначности; его осмысление возможно лишь при сочетании абсолютно утвердительных (катафатических) и абсолютно отрицательных (апофатических) категорий.

В «дополнение» к радикальному антиномизму славянское язычество имеет четкую сакрально-этическую ориентацию. Оно довело персонификацию добра и зла до высшей степени – «Бог и дьявол» («Белобог и Чернобог»). В индуизме, знающем о битве богов (дэва) и демонов (асуров) нет, однако, яркости выражения этической напряженности. Противостояние божественного и демонического здесь не знает персонификации «бог и дьявол». Тут отсутствует какой-то значимый трагизм. Кроме того, индуизм характеризуется определенной этической редукцией, он знает «смещение» доброго и злого. Так, эманации бога Шивы (Рудры), который зачастую отождествляется с Абсолютом, представляют собой чудовищ – Вирахадра, Бхайраву и т.д., а в его свиту входят злые духи и оборотни (бхуты, ветапы, пишачи).

Славянский подход к этической проблематике весьма схож с аналогичным подходом у зороастрийцев (война Ахура-Мазды и Ангро-Манью), но, во-первых, последователи Зороастра не были поклонниками единобожия, и, во-вторых, данная война носит у них определенный отпечаток дуализма, несколько уравнивающий добро и зло. Например, в 30-й «Ясне» («Гата ахунавати») можно найти следующее утверждение: «Первоначально два духа явились как близнецы, один Добро, другой Зло в мыслях, словах, и делах». Зороастрийский трактат «Денкарт» вообще считал, что Бог сотворил миры в целях противостояния Ангро-Манью, то есть наделил повелителя зла онтологической силой, способной спровоцировать творение ради самосохранения.

Иначе у древних славян. Они рассматривали зло, и его персонификацию – Чернобога в качестве начала, обреченного выполнять в конечном итоге, замысел Белобога, не зависимо от своего желания. Подобное теологическое построение реконструируется в результате анализа вторичных источников по мифологии древних славян, которые содержит деревенский фольклор. Онежские, карпаторусские, малоросские, сербские и другие сказания разворачивают перед нами удивительную картину творения мира и человека. В этих сказаниях фигурируют Бог и дьявол (Сатанаил, черт), белый голубь и черный голубь, белый гоголь и черный гоголь. Последние две пары сразу наводят на мысль о Белобоге и Чернобоге.

В сказаниях белая и черная птицы (в дальнейшем будут использоваться изначальные названия персонажей реконструированного мифа – Белобог и Чернобог) сидят на ветках дуба (Мировое Древо), растущего из «досельского Окияна-озера» (или просто «синего моря»), символизирующего изначальную субстанцию, первозданный хаос – материал (материю), из которого возникло все сущее (кроме этой воды, а в некоторых сказаниях и неба, на тот момент ничего не было). Боги стали творить землю. Белобог заставил своего антагониста опуститься на морское дно и взять горсть песка для сотворения тверди земной. Попытка Чернобога взять эту горсть «во имя свое» окончилась неудачей и он смог осуществить замысел только после того, как взял ее во имя Белобога (ипостаси Рода). Так возникла земля.

Потом Чернобог попытался взять реванш и утопить Белобога, когда тот заснул. Однако, как только повелитель тьмы подбирался к Творцу, земля расширялась и удаляла его от коварного божества. Чернобог долго бегал за Белобогом и от этого бега земля разрослась до огромных размеров.

Во время творения Чернобог спрятал немного песка и попытался пронести его во рту, чтобы создать свой мир. Но земля стала прорастать во рту у Чернобога и он побежал по свету, выплевывая ее. Там, где он плевал вырастали горы, изменившие картину мира.

После началось творение человека. В подавляющем большинстве сказаний Белобог творит и душу, и тело человека, Чернобог же только искажает созданное. Первочеловек изображен в сказаниях как огромное, прекрасное существо, не ведающее изъяна. Однако, злой бог оплевал его и человек стал подвержен болезням и, вообще, несовершенству. Впрочем, одно сказание, записанное в Ушицком уезде Подольской губернии, утверждает, что Чернобог сотворил тело человека, а Белобог вдохнул в него душу. В этом можно увидеть определенный дуализм, причем манихейского типа, отрицающий материю и объявляющий ее злым началом. Но в сказании само тело

становится причастным злу лишь после того, как его оплевал Чернобог. Показательно начало сказания: «Сатана все может сделать, только с условием, если Бог позволит и благословит».

Космогоническая эпопея кончается небесной схваткой. Согласно фольклору Чернобог умылся водой и брызнул ею назад, сотворив inferнальную рать (тысячи существ подобных себе), захотевшую вместе с ним захватить небо, или, по крайней мере, не пустить Белобога на землю. Но творец ударил палицей по камню и создал божественную рать, возглавляемую еще одним громовержцем, в котором легко угадывается Перун. Он гремел сорок дней и ночей, одержав победу над силами Чернобога, который был навсегда сброшен с небес.

В рамках славянской космогонии зло минимизируется, становится в зависимость от добра и от его источника – творца, Белобога-Рода, Чистого Бытия. Кстати сказать, именно онтологическая зависимость тьмы от Света, ее обреченность обращать зло в добро, очевидно, и дали повод Гельмольду, не разобравшемуся в специфике славянского язычества, утверждать, что наши предки поклонялись Чернобогу. (Более подробно о славянской космогонии см. в литературе, упомянутой в обзорах «Наследия предков» №1 и №6).

В заключении отметим, что сходство индоевропейского язычества и христианства, особенно из эзотерической доктрины, признавалось и последователями Христа. Святые Отцы великолепно знали древнегреческую философию, многому научились у мудрецов Эллады, в чем никогда не стеснялись признаться.

Интереснейшие факты положительного отношения христиан к определенным моментам в язычестве и многим его духовным столпам привел Р. Багдасаров. Мы считаем нужным изложить некоторые из них.

Филипп Сидет, сподвижник Св. Иоанна Златоуста, написал «Сказание Афродитиана», в котором языческие статуи пророчествуют о рождении Ребенка, чье имя начало и конец, о «гибели» старых богов. Их слова подтверждает сам Дионис. Христианский мученик Св. Иустин Философ одобрительно отзывался об Орфее, считая его мистический гнозис максимально близким к христианскому. Стихи Орфея цитировал Св. Климент Александрийский, утверждая, что их создатель вдохновлялся Моисеем. Церковь очень почитала Вергилия. Св. Константин Великий видел в его творчестве намек на

предстоящий триумф христианства и его оценку как возрождение утраченного Золотого Века. Он же на I Вселенском Соборе говорил о «блаженной» Сивилле Тибуртине, ее пророческом даре. Изображения эллинских мудрецов можно встретить во многих христианских храмах, где они прославляются за подготовку торжества Христовой веры. В XVI-XVII вв. православные живописцы Эммануил Панселин и Дионисий Фурнаграфиот упорядочили афонскую иконографию «эллинов». В сочинении последнего («Ерминии») перечисляются следующие персонажи этой иконографии: Аполлон (!), Солон, Фукидид, Плутарх, Платон, Аристотель, Филон, Софокл и др. всем им приписывалось пророчество о приходе Христа. (Р. Багдасаров. Неуместные боги. Волшебная гора. М., 1996. Т. 6, С. 214-236).

Безусловно, все факты и соображения, приведенные в данной работе, не способны опровергнуть наличие серьезнейших различий, существующих между христианством и язычеством, а также жесткого противостояния их сторонников в древности. Однако о противоречиях сказано уже слишком много, аспект же сходства рассмотрен чрезвычайно слабо. Остается надеяться, что он будет изучен достаточно полно.